

Это строка из стихотворения «Хандра». Автор призывает читателя отвлечься от мирской суеты и взглянуть вокруг, прислушаться к себе, к звукам природы. Это прекрасно. К чему же призывает критик автора? Так же остановиться и прислушаться — к звучанию слов, к музыкальности строчек, к гармоничному ритмическому узору. Заглянуть в глубину сюжета. Не отдавать своё детище мелкотемью, не одевать его в штампованные наряды ширпотреба. Поверить алгеброй гармонию, подобрать размер, как можно лучше передающий настрой произведения.

Вспомнились строки из стихотворения «Собеседнику», написанного вольным стилем с лёгким флёром былинного слога, хотя автор размышляет о творческом процессе нашего времени:

Какому хору дружному, громкому
слова даём? Споят ли сограждане
на тризне грозной, свадьбе честной
наше хоть что-то? Нет, молча пьяны.

...неспешно наше стихотворство
ум развлекает щекоткой мелкой.

Действительно, столько стихотворных порталов, сайтов, сообществ можно найти в Интернете, тысячи авторов выкладывают там свои стихи, а встретить достойную поэзию без технических сбоев, без зауми и авангардного выпендрёжа любителям классического стиля довольно сложно. Тем отраднее находить в конкурсных работах яркие, самобытные образы, умение в обыденном видеть необычное, несущее читателю явно не мелкую щекотку для ума. Но много и огрехов, обидных, досадных, которых можно и нужно избегать, не пускать на порог своего «рабочего кабинета»

ни под каким соусом. В том самом, давшем название моей статье, стихотворении «Хандра» тоже можно насчитать немало таких за-
нозинок, портящих общую картину, задуманную автором.

Хандра

Когда хандра, как смог вечерний, душит, [11]

Замылен взгляд, не варит голова, [10]

Кричит душа: остановись, послушай,

Как дождь шумит, как шелестит трава,

Как бьётся сердце у любимой ночью, [11]

Стучат колёсики у стареньких часов, [12]

Звенит вода по трубам водосточным — [11]

Кристально чистая, как первая любовь. [12]

Ведь этот город в скорченной гримасе, [11]

С его огнями улиц, кабаков, [10]

С его бурлящей и безликой массой,

Шуршаньем шин и стуком каблучков,

Гроша не стоит перед тем закатом, [11]

Что полыхает красной органзой... [10]

И льётся музыка, любимая когда-то, [13]

Над полем клеверным сиреневой волной... [12]

И ветер чуть колышет лист рябины, [11]

Журчит ручей под накидным мостком... [10]

Взлети, как в сказке, с клином журавлиным

ИЛИ пройди по лужам босиком! [спондей]

Взгляни на небо — отмахнись от грусти:

Как много звёзд, и ты не одинок!

И, поворчав, хандра тебя отпустит

И навсегда покинет твой порог.

И нет уж смога — лишь сирень тумана,

Осада туч отступит не спеша,

И в лунном свете замурчит забавно

Котёнком маленьким уставшая душа. [12]

Возьмём первую строфу:

Когда хандра, *как* смог вечерний, душит,

Замылен взгляд, не варит голова,

Кричит душа: остановись, послушай,

Как дождь шумит, *как* шелестит трава...

Раз, два, три и далее в тексте ещё встретятся «КАКи»: «как бьётся сердце... как первая любовь... как в сказке... как много звёзд...» Автор использует это слово то в виде союзного, то делает сравнительной или усилительной частицей, но от этого «КАКи» не перестают быть навязчивым лексическим повтором. От одного из них в четвёртой строке можно и нужно уйти, чтобы ещё и от пиррихия и стыка согласных букв («шелестит Т Трава») избавиться. Вот так, сразу трёх зайцев ухлопаем: здесь в ямбовом размере автор применил пиррихий (слово «шелестит») — пропуск ударения в слове, состоящем из трёх слогов и более. Это невредный пиррихий, мы легко смещаем голосом ударение при произношении с буквы «Е» на «И»: «как ш(Е)-лес-тИт». Но если бы автор подобрал длинное слово с ударением на первом слоге: к примеру (навскидку), «лАстится», «свЕтится» — то даже усилия голосом не понадобилось бы и стык «ТТ» исчез бы. А если бы автор применил ещё более длинное слово, из четырёх слогов, то и от «КАКа» мог бы увильнуть: «Как дождь шумит, волнуется (колышется) трава...»

С размером тоже не всё в порядке. Автор пять раз сбивается с пятистопного ямба на шестистопный и даже на шестистопный с хвостиком. Очень досадны такие «гуляния», разве что в концовке эта вольность простительна. Рассмотрим одну строку с изменением размера:

Как бьётся сердце у любимой ночью,
[размер соблюдён]
Стучат колёсики у стареньких часов...
[размер ушёл на два слога (целая стопа)]

А знакомый нам ритм «тик-так, тик-так» как раз больше соответствует первой строке, а не увеличенной второй. Можно было поворожить над ней и всё же выровнять ритмический рисунок — к примеру, на образе сравнения сердец:

Как бьётся сердце у любимой ночью,
Стучит сердечко стареньких часов...

Да мало ли возможностей у творческого человека?

Ещё один момент хочется отметить. Это строки с вариантами избавления от хандры:

Взлети, как в сказке, с клином журавлиным
Или пройдишь по лужам босиком!

Как-то не очень сочетаются эти два совета «или-или»: журавлиный клин летом не увидишь, птицы гнездуются, птенцов воспитывают, сбиваются в стаю они только перед отлётом; а по лужам осенью босиком не побежишь — холодно.

Есть ещё нестыковка со звёздами. «Как много звёзд, и ты не одинок!» — утверждает автор, а в соседней строфе пишет: «Осада туч отступит не спеша...» Возможно ли через тучи видеть многочисленные звёзды? Сомнительно. Причём, даже если осада выступает здесь только как образ, всё равно она является синтаксической ошибкой. Понятно, что автор подразумевает осаду неба тучами (а может быть, не только неба, но и души, и разума), но в строке получается, что сами тучи попали в осаду: осада туч (осада города, осада крепости). К тому же осада не отступает, её снимают. Хорошо бы в последних двух строфах тоже снять осаду, которую устроили там союзы «И». Их там целых пять штук. Можно бы убрать и стыки в этих же строфах: коварного «ужика», затрудняющего произношение в строке: «И нет уЖ СМора...»; стыковое «ММ» в концовке: «котёнкоМ Маленьким». Хотела ещё обратить внимание на органзу, с которой автор сравнивает закаты родины, ведь это восточное слово. У нас в России всё больше кумачи да ситчики были в ходу. Но вовремя затормозила: а вдруг автор № 48 живёт именно на Востоке и органза ему родная? У нас ведь конкурс без границ и национальностей. В любом случае хочется пожелать автору с хандрою быть в контрах, а с учением о стихосложении в самом дружеском расположении. Задатки для этого у него имеются, дело за практикой, ну и желанием, конечно.

Автор стихотворения «Засентябрило» нарисовал довольно привлекательную осеннюю картинку, но, уже читая название, хочется вздохнуть: «Опять „засентябрило“». Долгое время это слово было довольно редким. И сейчас не в каждом словаре встречается. В школьные годы я его вовсе не слышала, хотя должна была. Дело в том, что это диалектное слово Тверской области, внесённое в тематический справочник нашего местного говора ещё в прошлом веке. Но впервые мне оно встретилось уже после окончания школы, у Паустовского в рассказах «Осенние воды», «Утренник». А нынче на этот заманчивый осенний глагол какой-то повышенный спрос. Песня Софии Ротару подхлестнула пишущую братию или осенние музы постарались, но гуляет словцо из стиха в стих, плодит штампы. Для интереса набираю в поиске строку знакомой поэтессы Е. М. из Подмосковья: «Сентябрит на душе, сентябрит...», и «Гугл» высыпает уйму повторов (авторская пунктуация и орфография соблюдены):

«Сентябрит на душе, И знобит» (Наталья Мурадова);

«Сентябрит и на улице, и в душе» (Наталья-Моисеева);

«Пошло писать про осень, но снова меня сентябрит» (Марго Па);

«Сентябрит Сентябрьрит за окнами...» (Алла Даниленко);

«Сентябрит немного, сентябрит» (Li Nata);

«Сентябрит. Ноябрьрит. Прячу душу и кутаю горло» (Сергей Чевгун);

«В природе нет пути назад. Где сентябрило, октябрееет» (Лукалекс);

«сентябрит под окном... сентябрит...» (Фаина Мухамадеева);

«Засентябрило на дворе, желтеют листья» (Марине Нежина).

Список можно продолжать и продолжать, нынче «сентябрит» у пишущего народа везде: за окном, под окном, на улице, в душе и во всём теле. Я рада такому успеху тверского «осентябрённого» глагола, но советую не поддаваться пандемии штампа: делайте профилактику любыми способами, воспитывайте свой голос, изучайте и применяйте тропы, как хороший следопыт в лесной чаще, создавайте неологизмы — собственные удивительные слова. Вспоминаются муфтолингвы поэта и полиглота Вилли Мельникова: «Задолжданность возвращедростью красна»; «Далеко не всякая новорождёвочка вырастает заглядевушкой, становится головокруженщиной, доживает до неувядамы и обретает мудрость улыбабушки».

Конечно, не так просто сказать миру что-то новое, уникальное, но ведь дорогу осиливает идущий, а под лежащий камень, как известно...

Засентябрило

Туман с утра — хорошая погода.

Но зонт возьму: капризная пора!

Причудливы в такое время года

Небесной канцелярии дела:

Подёрнулись ледком искристым лужи,

И стая птиц над озером кружит.

Засентябрило... летний день простужен,

От сырости чихает и дрожит.

Но как наряден лес, встречая осень!

Глядят осины в лужи-зеркала,

Берёзка распустила свои косы

И ленты жёлто-рыжие вплела.

Горят на солнце ягоды рябины,

На синем фоне матовых небес

Сверкают и играют, как рубины,

Дождинками усиливая блеск.

Насыпал тополь листьев под окошко,

И осень начинает свой рассказ.

Читать сентябрь, как книгу, понемножку

Начну, пожалуй, именно сейчас.

Хочется пожелать автору стихотворения быть построже к рифмам. Всего одна недоработка («пора — дела»), но в самом начале стихотворения, и это, конечно, портит впечатление. Стыки так же ослабляют текст, как и сбои ритмики: «леС, ВСТРечая»; «то-поЛЬ Листьев»; «каК Книгу»; «свОи косы». Можно отметить и неоправданное существительное «дождевики». Ведь стихотворение начинается с утверждения, что «туман с утра — хорошая погода», и о дожде ни гу-гу. Откуда же на рябине дождевики взялись? Это, скорей всего, росинки — туман оставил подарочек. Помните, у иеромонаха Романа: «Разойдётся туман, до росинки своё отслужив»?

А в концовке текста возникает некоторое «неуважение» к лирической героине: Осень начинает свой прекрасный рассказ, и надо бы героине слушать её в оба уха, но она вдруг надумала именно сейчас читать понемножку сентябрь. Вот бы объединить эти два действия, хотя бы в аудиокнигу, которую можно не читать, а слушать, или ещё как-то сгладить невнимание к рассказу осени. Но пока вот такая царапающая нестыковка. Автор, безусловно, талантлив, но работать с текстом нужно построже: после написания оценить на вид, слух, вкус, «изгиб и кручение» каждую строку, если не каждое слово.

Шероховатостями технического склада отмечены многие стихи конкурса. Например, стихотворение «Фонарь». Рифмы «смотрим — бегу», «фонарь — жаль» оставляют желать более точных пар. Во второй строфе автор рассуждает о жизни фонаря:

А за окном грустит фонарь.
Что помнит он о дне вчерашнем?
И мне его немного жаль —
Живёт он только настоящим...

Авторское право и видение позволяет писать о судьбах вещей так, как поэту заблагорассудится. Его фонарь вот такой, и автор это точно знает. Поверит ли ему читатель — это уже другой вопрос. Меня, например, заинтересовало: а почему это фонарь только сегодняшним днём живёт? Кто заглядывал ему в его фонарную душу или хотя бы поразмышлял о том? Невольно пришло на память стихотворение тверской поэтессы Галины Безруковой о листопаде: «Разве дереву больно? А разве кто знает об этом?» Вот где глубина осмысления, вот где погружение в материал! Мороз пробежит от такой строки-открытия, задохнёшься и книгу к груди прижмёшь...

Мастера слова, классики, порою вдохновляют нас на такой же высокий стиль и слог, словно передают частичку чего-то сокровенного через наши строки. К таким стихам могу отнести посвящение Пастернаку. Оно написано пятистишьями, с искренним

восхищением и уважением. Творчество Бориса Леонидовича для автора, без всякого сомнения, *«всегда в душе свечой горит — светлой, согревающей, бесценной!»*. Из замечаний только и нашла, что стык «СС»: *«...стремясь Скрепить...»* Впрочем, увлечшись содержанием, эту свистушку можно и не заметить.

Судьбы скрепенье

Мой любимый Пастернак открыт.
Всё в нём гениально, совершенно:
То он сложен, то он прост на вид,
Но всегда в душе свечой горит —
Светлой, согревающей, бесценной!

Мудрость открывающая мысль
Соткана в неведомые нити
Тонким полотном, сокрытый смысл
Завещаньем лёг на чистый лист,
Словом откровений и открытий.

Как изыскан, но доступен слог!
А евангельский сюжет извечный
Здесь всему начало и итог.
Неподдельной глубиной строк —
Жизнь страны в потоке быстротечном:

Нитью тонкою стремясь скрепить - стык
Порванные временем детали
Целого, суметь изобразить,
Что пришлось России пережить,
Как сердца и судьбы здесь сгорали.

Проза и поэзия слились
В труд, что стал ему — и рок, и благо...
Здесь «судьбы скрепления» сплелись
В путешествие длиною в жизнь
От Христа до доктора Живаго.

То же самое можно сказать и про стихотворение с эпиграфом Ф. И. Тютчева. Охватная рифма, анжамбеманы, льющийся тютчевский слог... Хорошо!

Обет молчания приму...

Мысль изречённая есть ложь...

Ф. И. Тютчев

Обет молчания приму
И утолю свои печали

Среди молитвы и молчания,
Не отвечая никому.

И поглотит немая тьма
Ничтожной мысли приближение,
И остановится движение
В сетях капризного ума.

Безмолвно явится рассвет,
Промчится день. И только вечер
Печально спросит: не отвечу ль
Хотя бы просто — «да» и «нет»?

Придёт в безмолвии рассвет...

Добротно связано стихотворение «Остров»:

Когда тяжёлый камень на душе,
Не кажет глаз и прячется удача,
Обходит, кто шустрой, на вираже —
Конечно, огорчаюсь, но не плачу.
Палатку я беру — и в путь с утра
На остров, омываемый рекой.
Там снимет все проблемы, как рукой,
Где волны тихо плещет Ангара.

Как сбросить эти камни? Подскажи!
Укрой на время от хулы огульной,
Заставь поверить снова в миражи —
Ну, здравствуй, чудный остров Караульный!
К тебе спешат и едут неспроста:
Обласканный красоткой Ангарой,
Дыхание второе ты открой
Согнувшимся под тяжестью креста.

С ночным костром начну я разговор,
Взметнётся пламя злыми языками,
И камни, что давили до сих пор,
Сорвутся камнепадом в реку сами.
— А кто-то говорил: не хватит сил... —
Шепнёт река поднявшейся волной. —
Всё выдержишь и вытерпишь, не ной!
Байкал крупнее камни приносил.

От слов простых мне станет хорошо,
Кольнёт и отзовется в сердце остро:

Как здорово, что я тебя нашёл,
Спасительный в бурлящей жизни остров.
— Привет, мой новый день! — я крикну в мир,
Легко взлечу, вершинами влекомый,
Готовый покорить седой Памир
И даже улыбнуться незнакомым.

Необычная восьмистроочная разбивка на строфы. В первой части строфы (четыре строки) автор чередует мужскую и женскую рифмы (разноударные) с перекрёстным способом рифмовки, а следующие четыре строки — только мужская, с ударением на последнем слоге и охватным способом рифмовки. В трёх строфах автор выдерживает этот перепад и только в последней строфе применяет полную гармонию мужской и женской рифм. Возникает вопрос: осознанный это приём или небрежность? Во второй строке стихотворения примостился плеоназм: «*Не кажет глаз и прячется*». По сути, это синонимы: не показывается на глаза — значит, прячется, избегает встреч. В третьей строфе немного царапнули «*злые языки костра*». Костёр — это нечто согревающее, доверительное, огонь — очищающая стихия, и вдруг — злые языки. Ведь не пожар, уничтожающий и пожирающий, а ночной костёр. Приходится осмысливать послекусие строк. Наверное, злыми они были к бедам человека, которые ссыпались камнями в реку. Но всё же хочется однозначного восприятия, другого эпитета к костру. Трогательная контрастная концовка: «*Готовый покорить седой Памир и даже улыбнуться незнакомым*», — тоже заставляет улыбнуться и пожелать автору новых вершин не только на Памире, но и в поэзии.

Ещё раз обращаю внимание на невкусные инверсии, которые служат авторам далеко не лучшую службу. Вот строка из стихотворения «*Воспоминания детства*»:

Далёкий запах безмятежный
Я детства помню. Точно знаю...

Правильное расположение слов в строке должно быть таково: «*Я помню далёкий безмятежный запах детства*». Как же повкуснее инверсировать строку, чтобы уложиться в размер? Так и этак прикидывала, получается всё равно невкусно:

Я детства запах безмятежный
Далёкий помню. Точно знаю...

Нет, с одним словом придётся расстаться, вернее — заменить его на более нужное и ёмкое. Какое самое нежалкое? «Далёкий». Почему? Потому что оно простое, не несущее смысловой подводки — ведь и так понятно, что детство с высоты взрослого возраста

где-то далеко-далеко. А вот слово «безмятежный» — это уже весомый показатель. Детство может быть горьким и обездоленным, сиротским, болезненным... Но у автора оно безмятежное. Слово это — звучно-приглушённое, его хочется говорить нараспев, с блаженной улыбкой. Оно такое выразительное, что так и тянет в губах покатасть, посмаковать. Как не помнить это замечательное состояние — детскую безмятежность? Помним! Доныне помним! Ого, вот и слово нашлось! — наречие «доныне» вместо прилагательного «далёкий». Каждое из трёх слогов состоит. Но согласитесь, что легковесное «далёкий» проигрывает грузному и звонкому «доныне» не только в звукописи, но и по смысловой составляющей. Словно мы от далёкого к нынешнему ниточку протянули. Теперь и записать попробуем:

Я детства запах безмятежный
Доныне помню...

Вроде неплохо получилось.

Стихотворение «*Догнавшие лето*» напоминает о соблюдении правильного ударения: «*Как парус, — от порта-вокзала...*» Правильно — «пОрта». В этом же стихотворении хочется поправить строку «*Янтарь стекался по осинам*». По осинам можно стекать, а стекаться, в крайнем случае, на осины. В ямбовый размер строк вкрались сбои ритма, которые мы вынуждены выравнивать голосом:

БЫЛО по-нашему — что в восемь.
И было жарко, было лето,
А в Красноярске — Уже осень...

«...ужЕ Осень...» — спондей, намеренно ставим голосом два ударения подряд, хотя ритмика требует сделать осень «Уже» — по сути меняет смысл «ужЕ» на «Уже». Плюс лексический повтор — в двух строках три раза повторяется «было».

Солнечное, резвое стихотворение «*Тропинка*»:

Вновь меня тропинка в лето
Поманила, позвала.
Вновь душа теплом согрета.
Солнце бьёт в колокола.
Развесёлым перезвоном
Всклень округа залита.
За далёким окоёмом
Ждёт заветная мечта.
Сквозь струящуюся дымку
Серебрятся деревья.

Там хранит мою тропинку
Одолень-беду-траву.

Там ветра играют в дудки,
Там медвяная роса,
Там напомним незабудки
Мне любимые глаза...

Порадовало редко употребляемое слово «всклень». Супер-краткое, а столько в себя значения вмещает! Немного царапнула строка «*Одолень-беду-траву*». Придуманное автором название или подчёркивающее, что одолеть нужно именно беду? Правильно — «одолень-траву». Это кувшинка, нимфея, которую мы привыкли называть лилией. Перепроверила знакомое с детства название цветка, но во всех открытых мною справочниках его название именно из двух слов. Наверное, для автора эта травка именно «одолень-беду». Ну что ж, вполне приемлемо. Хотя взгляд всё же цепляется за непривычное. Ещё отмечу игру в дудки. Ветра играют в дудки, как в игрушки, или всё же играют НА дудках, как на музыкальных инструментах? Вопрос возникает сам собой. Нужно ли избавиться от него — решать автору. Ну и подчеркну стык «ММ»: «*ТаМ Медвяная роса*». Если автору не жаль наречия «там», то его можно заменить на что-то иное. В отличие от «КАКов» в стихотворении № 48, здесь взят убеждённый лексический повтор «ТАМов»: «там, там, там...» Он не напрягает, его практически не замечаешь, но ради избавления от стыка «ММ» одним «ТАМом» можно и пожертвовать. Само же стихотворение понравилось, согрело брызжащей летней радостью и любовью. Подобно ему, нельзя не улыбнуться «*Добрым пиратам*». Написано в непосредственной, детской задорной манере, подкупает бесценным сравнением «*самый лучший из отцов*». И хотя понимаю, что ребёнок сказал бы: «Самый лучший из пап!» — всё равно стихотворение тронуло искренностью и почти идиллической картинкой детского счастья.

Стихотворение «*Робот*»:

Проснусь с утра и загружусь — по полной!
С чего начать? Стартую! Раз, два, три...
В кровати сына шёпот полусонный:
«Мне к третьему уроку... не буди...»
Сорвётся по-предательски будильник,
Но, кнопкой заглушив его мотив,
Я спрячу бутерброды в холодильник,
Заботливо в контейнеры укрыв.

В прихожей — на бегу закончу сборы,
И переход — на уровень второй.

До офиса помчусь в маршрутке скорой.
Ждёт идол, босс надутый и смурной.
А там таких, как я, не счесть... десятки!
Щебечут мониторы в унисон,
Бегут в них цифры, буквы без оглядки,
Жжёт телефонов бодрый перезвон.
Запахнет ксерокс копотью отчёта,
И сплюнет принтер новый документ.
Летаю дроном до седьмого пота,
А банк на карту шлёт мне комплимент...

На третий! Оставаться сверхурочно?
Нет! Сердце — не железная броня!
Вернусь домой под вечер или ночью.
Я — робот или женщина? Кто я?
Проснётся муж, мне дверь откроет резко,
Нажмёт рестарт... В моей программе — сбой!
...И снова обрету я облик женский,
И стану — нежной, любящей, родной!

Хорошо отражена суетная женская доля, но огрехи имеются. Первая же строка царапает: *«Проснусь с утра и загружусь — по полной!»* Обычно просыпаются утром или поутру, а с утра начинают что-то делать. Можно поправить дело пунктуацией: «Проснусь. С утра и загружусь — по полной!» А может быть, автор обыграл шутку: «Поднять подняли, а разбудить забыли», а вот он (автор) проснулся именно с самого утра? Тогда понятно. А вот строку: *«Жжёт телефонов бодрый перезвон»*, — не поняла. «Жжёт» — это молодёжный сленг, типа «афтар жжёт», или что-то другое? Может быть, «жжёт» — это ощущение дискомфорта от постоянного звона? Вопрос не решён. Стык «ТТ» в этой же строке просится на удаление. Ритмика и размер на высоте, а вот рифмочки следует подтянуть: «три — буди», «броня — я», «резко — женский» — слабовато для этого автора. Зато какая строка про ксерокс с копотью отчёта! Класс! Это не просто барахлящий ксерокс чернит листы с отчётом, это копоть потраченных нервов и времени легла на них! Сколько чувств вместила в одну строку! Умница! Да и плюющийся принтер хорош! Радуюсь этим находкам, как своим.

Любовь, прошедшая испытание жизнью и оставшаяся молодой, — что может быть прекраснее? Стихотворение *«День весеннего равноденствия»* — чувства в него вложено столько, что

по-доброму можно позавидовать той невесте и жене, которой они предназначены:

День весеннего равноденствия!
Лёгкий ветер и яркий свет —
Словно тайна священнодействия!
И разгадки у тайны нет...

Один день в толще лет — мгновение,
Только мир, что был сер и пуст,
Изменило прикосновение
Взглядов, мыслей, и рук, и уст!

В светлой магии марта высвечен
Белой сказкой твоей фаты —
Как единственный шанс из тысячи —
Первый день наш, где я и ты...

Ах, куда наши годы катятся?
Оставляют нам след какой?
Где та девочка в белом платье?
Где я сам, молодой такой?

Где — безоблачной, где-то — мгlistою
Нам дорогой пришлось идти...
Тонкой ниточкой серебристою
Метит наши уже пути...

Но не будет для нас старения!
Пусть сомненья уходят прочь!
В мире этом есть повторение
Нас с тобой — сыновья и дочь!

Время прошлое сметет в крошево,
В память нашу уйдёт и сны...
Но ни лучшего нет, ни большего,
Чем далёкий тот день Весны!

День весеннего равноденствия
Снова властвует над Землёй —
Солнца с ветром священнодействие
И начало для нас с тобой!

По технике — один спондей да пара-тройка стыков: «наС С тобой»; «для наС Старения»; «деНь Наш». Первый стык вряд ли можно поправить, а вот с двумя другими поколдовать можно, как и со спондеем тоже. Автору, как говорит наша молодёжь, — «респект и уважуха»!

Хотелось некоторые стихи сократить, очень уж расписались-увлеклись авторы красотами и прочими описаниями, это всё равно что пересолить дорогое блюдо («Хозяйкою Осень в тайгу заходила...», «Сентябрь — фатовый и яркий мужчина» и др.), плюс уйма всяческих других недоработок. А вот стихотворение «Просто», наоборот, настолько краткое, что хочется попросить автора его продолжить, хотя оно самодостаточно и в одном катрене:

Просто

Разлохматит волосы ветер,
Нарисует улыбки солнце,
Слепым дождиком наше счастье
[спондей желательно убрать]
На асфальт неудач прольётся.

Не могу не упомянуть стихотворение «Рифы»:

Я свой плотик посадил на рифы
И забросил вёсла в камыши,
Чтоб не прорисовывались рифмы
Больше по окраинам души.

Снизил голос ровно на полтона —
Ведь полжизни, смыслу вопреки,
Я, как раб на копях Соломона,
Добывал стихов золотники.

На ночь птицы возвращались в гнёзда,
Шелестела речка на мели.
Выкристаллизовывались звёзды
Над неровным краешком земли.

Пели птицы. Угасали краски.
Мысли лезли в голову извне.
Может быть, сегодня в Красноярске
Женщина вдруг вспомнит обо мне,

Вспомнит губы, вспомнит мои руки
Чуть пониже прогиба спины...
О, как глупо в мареве разлуки
На себя смотреть со стороны.

На себя. На эти птичьи гнёзда...
Но ведь я запомнил, что вдали
Выкристаллизовывались звёзды
Чуть повыше краешка земли.

Автор нашёл красивые образы: «*окраины души*», «*золотники стихов*», «*выкристаллизованные звёзды*», «*краешек земли*»... Романтично-то как! И вдруг всё испортила одна строка:

Вспомнит губы, вспомнит мои руки
Чуть пониже проОгиба спины...

Да простит меня автор, но тут такая подстава-амфиболия кроется! Хоть плачь, хоть смейся, но подтекст имеется: конечно же, автор подразумевал свои руки, лежащие на женском теле «*чуть пониже проОгиба спины*». Однако о ней (о даме) в этой строке не упомянуто. И как тут не вспомнить расхожую поговорку о том самом «проОгибе» спины, чуть ниже которого у некоторых мужчин растут верхние конечности? Авторы, не подставляйтесь под такие амфиболии. Да и ударение из «проИБа» в «проОгиб» не перемещайте, это чревато пародиями. Спондей тоже можно к ногтю прижать: «*вспомнит мой рУки*» по ритмике читается как «мОи». Ещё нюанс:

О, как глупо в мареве разлуки
На себя смотреть со стороны.

Почему же глупо? Очень даже полезно. Может быть, тяжело, не спорю. Разлука обостряет и выявляет очень многое. «*Лицом к лицу лица не увидать...*» Искренне желаю автору вдохновения и новых строк с такими же романтичными образами и без всяких амфиболий.

Все пятьдесят стихотворений разобрать по косточкам в короткой статье невозможно, пора заканчивать эту не особо благодарную работу, но ещё два стихотворения просятся в обзор.

«Я забыть не могу ни о чём...»

Я забыть не могу ни о чём,
Что был счастлив и слышать, и видеть.
Где-то пилит дощечку сверчок,
В закуточке за печкою сидя.

Это — бабушкин старенький дом,
С почерневшей соломенной крышей,
С родником на задах, с тальником —
Шорох листьев, как в юности, слышу

И сейчас, лишь закрою глаза.
Ах, какое счастливое время!
Помню, как полыхала гроза,
Как тростинки ломая деревья —

Тополя, что росли у дворов.
Помню юрких речных перекаатов
Тихий говор, соседних коров,
На рассвете бредущих куда-то.

Помню, как вся деревня в луга
Выезжала — и праздник покоса
По росе оживлял берега.
Помню цвет и гречихи, и проса.

Помню всё и уже никогда-
Никогда ничего не забуду.
Жизнь мелькнула, сгорев, как звезда —
Мимолётное яркое чудо,

Всё забрав. Только память жива.
Даже время её не осилит.
В закуточке за печкой дрова
Тот сверчок всё никак не допилит.

Автор этого стихотворения написал о малой родине без пафоса, очень душевно и проникновенно. Тематическая закольцовка текста образом сверчка настолько удачна, что пиликанье того самого насекомого-старателя слышится ещё долго после прочтения стихотворения. Пусть он никогда не умолкает, помогая читателю проникнуться милыми родными образами уходящей деревни. Только после строки «Ах, какое счастливое время» я бы поставила многоточие, чтобы подальше отделить это счастье от польхающей грозы, ломающей деревья, как тростинки, что назвать счастьем довольно трудно. Да ещё «соседних» коров превратила бы в «соседских». Автор ведь не брёл рядом с ними куда-то, а, скорей всего, из окошка смотрел или со двора. Верно?

А «Самовар» я определила в лидеры:

Иван Иваныч, самовар,
пузатый витязь в медных латах,
могучий стан, горячий пар, —
почто не во главе стола ты?

От века в нашей стороне
с тобою пили и едали —
недаром на твоей броне
теснятся оттиски медалей.

Иван Иваныч, светлый царь
витрины тульского музея!
Здесь гости добрые, как встарь,
с восторгом на тебя глазеют,

но им неведом тонкий дух
черносмородиновых листьев,
и не улавливает слух
на пир сзывающего свиста...

Вернись, былинный богатырь,
воспетый Вяземским и Хармсом,
ведь пол-Европы и Сибирь —
твоё наследственное царство!

И славься за столом простым
владыкою блинов и чая,
Отечества смолистый дым
с водою ключевой венчая!

По-моему мнению, это стихотворение выделяется из других работ конкурса. Во-первых — тема. В каждом нашем конкурсе встречаются стихи сходной тематики: о большой Родине и о малой, о детстве, о любви, о войнах, о деревне, о профессиях и пристрастиях, о природе, о политике, много о чём ещё. Очень редки стихи, посвящённые какой-либо детали, вещи, объекту, артефакту и так далее — тому явлению, о котором часто и не задумается простой обыватель, пройдёт мимо и не заметит. Только не поэт. Этому индивидууму до всего есть дело, до каждой былинки и пушинки. А тут целый самовар! В нём ведь былая эпоха кипела-бурлила, да и сейчас ещё продолжает кое-где трубой пыхтеть. Такие стихи наперечёт. Во-вторых — автор сумел передать дух той самой эпохи, когда самовары были в цене и крутом почёте. И слова того времени, сочные и звучные, донёс до нас автор, создавая атмосферу минувшего столетия: не «почему», а «*почто*», не «пили и ели», а «*пили и едали*». А какие эпитеты и звания подобрал автор для своего лирического героя! «*Пузатый витязь в медных латах*», «*светлый царь витрины тульского музея*», «*былинный богатырь*», «*владыка блинов и чая*»! Не пересолил, не растянул на поэму и концовкой, как положено, оправданно восхитил: «*Отечества смолистый дым с водою ключевой венчая!*» Снимаю шляпу!

Напоследок напомним, что разбираю ваши строки с большим интересом и уважением, а замечания делаю только во благо, надеясь на то, что хотя бы пятьдесят процентов сказанного мною будет вами понято и принято. Французский писатель и литературный критик Анатоль де Франс писал: «У искусства есть два самых опасных врага: ремесленник не озарённый талантом, и талант, не владеющий ремеслом». Судьбоносные слова! Самое главное

в творчестве — желание постигать тайны мастерства. Пусть это желание тормозит вас и днём, и ночью, ибо музы — существа бессонные, как и «Гугл» с его справочниками и словарями.

А закончить разговор с вами, дорогие коллеги, хочу обращением ещё к одному стихотворению — «*Перед весной*»:

К концу февраль. Преддверие весны.
Осевший снег неряшлив и развязен.
Слетают ветры с горней вышины
И чистят землю от налипшей грязи.

Сметают хлам, во все углы суют
Свои носы, прохожих редких бесят
И с воробьями местными поют
Холодные, но радостные песни.

Берут деревья, словно мётлы, и
Метут по небу истово и долго,
И вдруг клочок глубокой синевы
Откроют, да такой умытый, волглый,
Что вмиг поверишь: кончилась зима,
Что дождь и жёлтый крокус недалёко,
И удивишь опять себя сама
Стремленьем юным к росту и полёту.

От души желаю вам весны в душе, стремленья к росту и полёту! Чтобы никто из вас не разучился удивляться, чтобы в самом пасмурном дне всё же проглядывали умытые окошечки глубокой волглой синевы. Пишите, творите, летайте, поднимайтесь над суетой и хандрой, удивляйте читателей, критиков и в первую очередь — самих себя.

Ваша Вера Грибникова